

ПОДВИГУ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

ДЕВЯТОГО мая, в день 24-й годовщины разгрома гитлеровской Германии, к подножью памятника Нуркену Абдирову, воздвигнутому на проспекте его имени, карагандинцы возложили венки, букеты живых цветов. Когда я всматривался в мужественное яйцо славного сына казахского народа, то невольно вспоминал другое лицо, другого героя, чье имя в годы Великой Отечественной войны стало символом бесстрашия и отваги и чьей бессмертной памяти повторил Нуркен Абдиров.

Имя этого героя — Николай Гастелло. Мне посчастливилось служить с ним в одном авиасоединении и часто с ним встречаться.

О Николае Францевиче написано немало, но и не так уж много. Но даже и в том, что написано, упущенены некоторые важные моменты из его мирной и боевой жизни. объясняется это, очевидно, тем, что наша 42-я авиационная дивизия, в которой он командовал эскадрильей бомбардировщиков, часто меняла свою дислокацию, что лётный ее состав быстро таял и вскоре почти никого не осталось, кто бы хорошо знал капитала и мог бы рассказать о нем более точно и подробно. К тому же обстановка на фронтах в первые месяцы была настолько напряженной и даже трагической, что тому или иному писателю или крупному журналисту было недосуг искать где-то наше авиаединение и собирать материал об отважном капитане для книги. А у нас, тогдашних сотрудников дивизионной газеты, не хватило, как говорится, пороху, чтобы по горячим следам написать о Николае Францевиче что-то более значимое и серьезное, чем небольшие заметки в небольшой газете.

И вот теперь, спустя много лет, мне, как очевидцу и свидетелю тех грозных, незабываемых событий, хочется хотя бы коротко рассказать, как это все было. Возможно, для читателей, особенно для молодежи, это представит некоторый интерес.

ПЕРЕД войной наша 42-я авиадивизия базировалась на стационарном аэродроме недалеко от Смоленска. Но ее вооружении находились новые и довольно хорошие по тому времени боевые машины «СБ» — средние бомбардировщики. Учебные полеты совершались регулярно. И все же их было явно недостаточно для отработки сложных элементов высшего пилотажа, прицельного бомбометания и меткой стрельбы по воздушным целям. В них, в этих полетах, была тем более необходимость, что многие экипажи самолетов были укомплектованы недавними выпускниками авиационных училищ и нуждались в настоящей выучке. Ограничение количества самолетов летчиков командование объясняло страшнейшей экономией горючего. Пилотам эта экономия была не по душе. Думается, что некоторые из них погибли в первые же дни войны именно потому, что не имели достаточного опыта.

— Воздушный боец, как и спортсмен, должен тренироваться ежедневно, — говорил в ту пору Николай Гастелло, который сам был заядлым футболистом, и все футбольные состязания, проходившие на стадионе нашего военного городка, судил он, что, впрочем, не мешало ему любить музыку и участвовать в художественной самодеятельности.

22 июня, на заре, была объявлена тревога. Учебные тревоги проводились и раньше. Но если прежде все сводилось лишь к проверке того, за какое время дивизия приведет

себя в полную боевую готовность, то на этот раз дело обстояло иначе. Все самолеты были рассредоточены по всему огромному аэродрому, долго не поддавался отбор.

— Не учебную что-то не похожа, — мрачным тоном сказал капитан Гастелло, в эскадрильи которого я оказался по тревоге.

И вдруг, как бандитский удар: в четыре утра немцы подвергли бомбардировке многие советские города и перенесли западную границу Красной Армии на всю ее протяженность.

Война!

И вот первые эскадрильи

— А к ним за километр не подойдешь. Не только к аэродрому, но даже к обычной маршевой колонне — сразу же перед тобой возникает сплошная стена зенитного огня, и тут же на тебя наваливаются истребители.

Еще больше мы были удивлены наглостью фашистов утром четвертого дня. Стояла чудесная солнечная погода. Ничем не нарушалась тишина. Правда, в любую минуту могли взреветь мощными моторами самолеты и с грузом бомб подняться в небо. На вылет пока не было приказа, и все напоминало мирное небо.

ло не одну жизнь советским летчикам в первые месяцы битвы с фашистскими завоевателями.

был таким же солнечным и кровопролитным, как предыдущие. И так же по-прежнему неудержимо катилась на восток танковая армия Гудериана. Советские войска на Минском направлении предпринимали отчаянные попытки остановить ее продвижение, разгромить. Самолеты нашей дивизии делали за день по три и больше боевых вылетов. Но нанося врагу чувствительные удары, мы сами несли ощущимые потери в летчиках и технике.

Помню, как заправленные до отказа горючим и загруженные бомбами подымались один за другим самолеты эскадрильи капитана Гастелло, натужно ревя моторами. Выстроившись над аэродромом треугольником, они взяли курс на Молодечно. Как и прежде, шли одни и не надеялись, что там, за линией фронта, их будут сопровождать наши истребители.

Вот и дорога Молодечно — Редошковичи. По ней ползут фашистские танки, самоходки, бензоцистерны, автомашины. Самолеты ложатся на боевой курс. И тут же три из них вспыхивают, как свечи, подожженные огнем зениток. Шесть остальных сбрасывают часть бомб на цель. При повторном заходе на нее и слева и справа ее атакуют восемнадцать «мессершмидтов». Загораются еще три машины, в том числе среброка крылья капитана Гастелло.

— Освобождайтесь от бомб, уходите на бреющем! — приказал по радио командир эскадрильи тем, кто был еще не сбит и отстреливался от наследавшего врага, а сам бесстрашно бросил свой обятый пламенем самолет с бомбовым грузом в гущу фашистских танков. Это было его последнее пике в бессмертие. Потом, осенью сорок второго, это пике повторит Нуркен Абдиров и многие другие. А пока это сделал только коммунист Николай Францевич Гастелло.

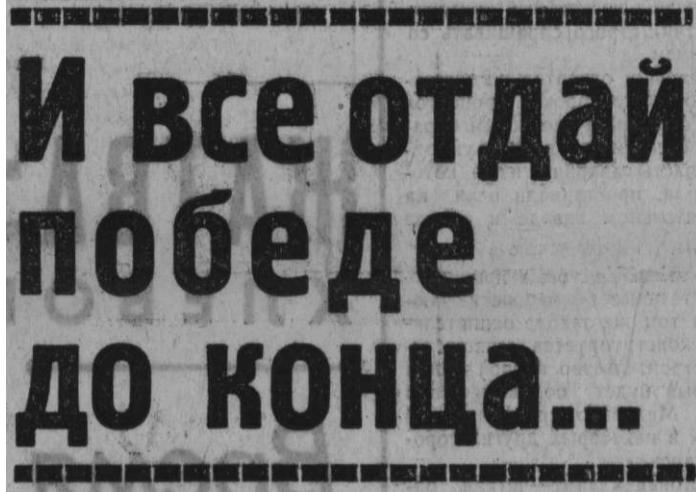
На аэродром из девяти вернулись лишь три самолета, экипажи которых были свидетелями беспримерного подвига любимого командира. В тот же день вместе с редактором газеты политруком Г. Грабченко мы написали об этом подвиге в свою газету статью и в тот же день, уже в виде репортажа, заверенной командованием дивизии, она была передана по телефону в Москву.

В начале июля Николаю Францевичу Гастелло было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал первым Героем Великой Отечественной войны. Под портретом, опубликованным в «Комсомольской правде», стояли стихи Якова Хелемского:

Глядись в черты
бесстрашного лица,
Рази врага отважно и умело
И все отдай победе
до конца,
Как легендарный
капитан Гастелло.

Нуркена Абдирова и почти каждый день проходил мимо памятника славному сыну казахского народа. Когда всматривалась в его мужественное лицо, то невольно вспоминало другое лицо, другого героя чье имя воодушевляло на подвиг — не только победителей фашистской Германии, но и защитников острова Даманский.

А. ЧЕРНЫХ,
журналист, бывший ответственный секретарь газеты 42-й авиадивизии, офицер запаса.

42-й подымается в воздух, и из первого же боевого вылета на свой аэродром не возвращается несколько машин. И первые тревожные слова Гастелло:

— Все горит!
Это там, у границы.

Фюзеляж и хвостовое оперение его самолета во многих местах были пробиты пулями и осколками зенитных снарядов. К этому командиру эскадрильи не привыкать. Он воевал с японцами на Халхин-Голе и с белофинами. Многое уже успел повидать на своем веку и не раз был «с пулей в обнимку и со смертью на ты». Но такого плотного и пристального огня, каким его встретили немцы над целью, он еще не видел. Трудно будет с ними воевать..

На третий день войны эскадрилья Гастелло собралась, к очередному боевому вылету. Машины направлялись горючим, подвешивались бомбы. Была предвечерняя наволочка. Со стороны Смоленска на высоте примерно полутора тысяч метров на наш аэродром шла группа самолетов — штук двадцати.

— Наши! Пополнение! — радостно сказал кто-то.

— Сейчас увидишь, какие они — «наши». По щелям! — приказал комэск.

В этот миг не только я, но, наверное, и многие другие увидели, как, оторвавшись от самолетов, еще не дошедших до черты аэродрома, на нас ринулась стая черных птиц со сложенными крыльями.

Бомбы!

Земля вздрогнула.

Сбросив половину боекомплекта, немецкие «Юнкерсы-87» спокойно развернулись для второго захода на аэродром, обрушили на наши головы остаток фугасов и беззапасно удалились в неизвестном направлении. Ни один наш «ястребок» не поднялся в воздух, чтобы «долбануть» какого-нибудь нахалого (подумать только, куда забрались — к самой глубине России!), ни одна наша зенитка не огрызнулась огнем, ни один пулемет не разразился дробным стуком, потому что ничего этого на нашем аэродроме не было. Он был беззащитен.

Стряхивая с гимнастерки землю (серия стокилограммовых бомб разорвалась от его щели, буквально в пяти метрах) капитан с горечью сказал:

Больше он не сказал ни слова. Пленных увезли в штаб Западного направления. Николай Гастелло так и не увидел своих поверженных врагов, потому что в то время, когда их допрашивали, он бомбил других, тех, что шли по его родной белорусской земле.

При обследовании сбитого «Ю-88» наши авиатехники обнаружили довольно интересные вещи. Оказалось, что кресла пилота и штурмана оборудованы бронированными щитами, а в хвосте самолета располагался воздушный стрелок для отражения атаки неприятельского истребителя сзади. Тотчас же в кузницах близлежащих сел было наложено изготовление подобных бронированных щитов для наших бомбардировщиков, а затем в состав экипажа был включен и стрелок-хвостовик. Использование вражеского опыта спас-